

LARISA ZHUKOVSKAYA / ЛАРИСА ЖУКОВСКАЯ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2044-1829>

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕКСЕМ МЕНТАЛИТЕТ И МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

New phenomena in usage of the lexemes *mentalitet* and *mental'nost'* in contemporary Russian speech

Ключевые слова: лексика, интернациональная лексика, неологизм, лексическое понятие «менталитет/ментальность», современная русская речь

KEYWORDS: lexis, international lexis, neologism, lexical notion 'mentality', contemporary Russian speech

ABSTRACT: The article considers reflexes of non-standard language representations of the international lexemes *mentalitet* and *mental'nost'* in contemporary Russian speech as indicator of communicative-discursive appropriation of corresponding foreign-culture concept "mentality". The purpose is to study changes of conditions of lexemes' standard attributive compatibility. The material of the study is contexts of usage of these words in Russian National Corpus and in the Internet-communication. The models of word-combinations "adjective + substantive" with attributed words *mentalitet* and *mental'nost'* are analyzed. The findings are that extension of spheres of their application and opportunity of evaluative reception of their primordially non-evaluative conceptual content demonstrates continuing tendency to cultural appropriation of the foreign-culture concept "mentality" in contemporary Russian speech.

1. Введение: к постановке проблемы

Сегодня в дискурсивных практиках носителей современного русского языка отчетливо проявляется тенденция языкового и культурного освоения иноязычных слов и выражений из самых разных сфер общественной, политической, экономической жизни, науки и техники, бизнеса и финансов, компьютерных технологий, искусства и спорта. В работах Т. Б. Радбиля эти явления именуются обобщающим термином «культурная апроприация заимствований» (2018, 217). Рефлексы указанной «культурной апроприации заимствований» отражаются прежде всего в активных процессах в русском языке на разных уровнях языковой системы и ее речевой реализации,

в которые закономерно вовлекаются слова и коллокации, обозначающие социально-значимые концепты. Большинство лексем, репрезентантов указанных концептов, относится к фонду так называемой интернациональной лексики, возникшей на базе древнегреческих и латинских корней. В русский язык они, как правило, входят как заимствования из европейских языков.

В числе социально-значимых концептов современной русской национальной концептосферы входит концепт «менталитет», который в последнее время приобрел особую значимость – видимо, в силу того, что он является удачным обобщающим (и к тому же компактным, однословным) обозначением таких давно воспринятых в культурной традиции, но не имеющих единого и общепринятой терминологической номинации понятий, как *дух народа*, *народное мировоззрение/мироощущение*, *национальный характер* и пр. (см. Жуковская 2015). Задача статьи состоит в том, чтобы выявить наиболее существенные особенности бытования лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи, с учетом интернациональных и идиозтнических элементов их функционирования.

Теоретическими основами предлагаемого исследования являются принципы семантического анализа языка национальной культуры (Телия 1996; Алифференко 2010; Зыкова 2015; Wierzbicka 1997 и др.), а также принципы лингвистического описания так называемых ключевых концептов культуры (Арутюнова 1991; Степанов 1997; Радбиль 2016; Mizin/Petrov 2017 и др.). Методология исследования базируется на концепции изучения диагностических признаков («параметров») культурной апроприации заимствований (Радбиль 2018, 217ссл.). Эти признаки будут исследованы путем анализа атрибутивной сочетаемости лексем *менталитет* и *ментальность*. Материал исследования был почерпнут Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также проведено автором Интернет-мониторинга.

2. Новые модели сочетаемости лексем *менталитет* и *ментальность*

То, что принято называть *менталитетом*, как пишет Радбиль (2016, 102), обычно рассматривается как естественный элемент картины мира, на что указывают данные фольклора, пословицы, поговорки, художественная, философская, публицистическая и др. литература. Круг идей, примерно соответствующий тому, что сегодня именуется словом *менталитет*, в русской культуре традиционно охватывается такими понятиями, как *дух/душа народа*, *народное мировоззрение/мироощущение/миропонимание*, *национальный характер* и др. Данное слово сегодня является весьма удачным, на наш взгляд, обобщением вышеуказанных понятий.

Истоки формирования научного понятия «менталитет» В. В. Колесов относит к европейским публикациям в области социологии и социальной психологии первой половины XX в. Интерес к изучению менталитета в российской науке связан прежде всего с работами выдающегося медиевиста А. Я. Гуревича (1981). Обращение к понятию менталитета в языкознании было связано с решением проблемы о том, как познавательные категории проявляются в форме и структуре языковых единиц, при этом менталитет понимался как «проявление духовно-символической связи индивида и общества, в котором он живет, что и представлено в языке» (Колесов 2006, 8).

Лексема *менталитет* и коррелирующая с ней лексема *ментальность* появляются в научных текстах на русском языке в начале 80-х гг. XX в. Примечательно, что первый раз Гуревич употребил это слово в его французской версии и в кавычках: *mentalité*. В 90-е гг. XX в. слова *менталитет* и *ментальность* в качестве научных терминов попадают в словарные и энциклопедические издания по философии, психологии, социологии. В качестве примера может служить «Краткая философская энциклопедия» (1994) или учебное пособие для вузов «Историческая этнология».

В начале 90-х гг. лексемы *менталитет* и *ментальность* входят в неспециализированную русскую речь, прежде всего – в медийные дискурсы. В НКРЯ первые употребления этих лексем в текстах российской прессы отмечены в 1991 г. Лексикографическая кодификация лексем *менталитет* и *ментальность* начинается позже – в конце 90-х гг. Одним из первых это слово фиксирует «Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения» (1998), где приводится два значения:

1. совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических, психологических, этических и т. п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом.
2. о складе ума, характере мышления (Скляревская 1998, 382).

Слова также отмечаются в переизданиях словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также в словарях иностранных слов Н. Г. Комлева (2000), Л. П. Крысина (2005) и др.

В нашей предыдущей работе на основе анализа толкования лексем *менталитет* и *ментальность* в лексикографических источниках указанных периодов был выявлен исходный смысловой объем концепта «менталитет», который составил 16 значений, среди которых как базовые можно отметить:

[мировоззрение, мироощущение, умонастроение, образ мыслей / образ мышления (склад ума) этноса, социальной или культурной группы и индивидуума]
[дух/душа народа]

[национальный характер]

[картина мира этноса, социальной или культурной группы и индивидуума]

Выявленные по словарям смыслы были верифицированы посредством контекстов стандартной сочетаемости по НКРЯ, например:

[видение мира]

- (1) *Менталитет* – видение мира, видение его строения и связей, которые в нём действуют.

[дух народа]

- (2) Он, очевидно, представляет в спектакле как бы воплощение русского духа (он же *менталитет*), который, как его ни топчи, ни унижай и ни обирай, все равно когда-нибудь возьмет да и воспрянет.

[образ мыслей народа]

- (3) События, произошедшие в этом городе, повлияли на самый образ мыслей россиян, изменив их *менталитет*.

Однако первоначальный анализ базовых значений лексем выявил и ряд нестандартных контекстов употребления, свидетельствующих, на наш взгляд, о том, что вхождение научного понятия узкотерминированного характера в неспециализированные речевые практики сопровождается рядом смысловых и коннотативных эффектов. Радбиль характеризует этот процесс как «популяризацию научного понятия»: при этом,

как и всякое престижное в речевой практике людей слово или выражение, оно используется нетерминированно, а значит, при его употреблении неизбежен некоторый налет своего рода «мифологизации» этого понятия (Радбиль 2016, 36).

В частности, возникают новые значения и оттенки смысла, стилистические контрасты при объединении в одном контексте слов разной стилиевой принадлежности или стилистической окраски, наведенная в контексте оценочность для изначально нейтральных, внеоценочных слов и др. Радбиль (2018, 218) предлагает рассматривать подобные семантические явления в контексте процессов культурного освоения иноязычных по происхождению лексем.

Применительно к интересующим нас лексемам *менталитет* и *ментальность* в качестве непосредственных языковых механизмов указанного культурного освоения выступают модели нестандартной атрибутивной сочетаемости указанных лексем в контекстах, в которых раньше их употребить было нельзя. В зависимости от категориального значения употребляемых

прилагательных нами зафиксировано два типа явлений: 1) неузואльное расширение семантического объема и 2) контекстуальные коннотативно-оценочные приращения смысла.

3. Расширение семантического объема лексем *менталитет* и *ментальность*

Обогащение семантического объема лексем *менталитет* и *ментальность* заключается в расширении денотативной сферы приложимости этих понятий – в существенном увеличении объектов или классов/категорий, к которым могут быть приложимы эти понятия (проще говоря, в расширении понимания того, чей/какой или у кого/у чего может быть менталитет). Так, в проанализированном нами материале *менталитет* может быть *детским, юношеским, женским, дефляционным, информационным, церковным, рыночным, физическим, нищенским, цивилизованным, инженерным, репрессивным, армейским, либеральным, домашним* и т. п.

Разновидностью подобной семантической спецификации являются конструкции с относительным прилагательным, образованным от неодушевленного существительного, например:

- (4) Это настолько вошло в некий внутренний *церковный менталитет*, что избавляться от него на самом деле очень тяжело.
- (5) Наверняка сработала система авторитетов, столь характерная для *армейского менталитета*. Можно смело сказать, что в те годы Марина воспринималась родителями Володи в некоем мистическом ореоле.
- (6) Мамардашвили, однако, был в принципиальной оппозиции к нашему *домашнему менталитету*, ставящему жизнь выше всякого сознания, гнозиса, метафизики.

В данном случае имеется в виду менталитет, характерный для людей, представляющих некоторый общественный институт, явление, сферу жизни, сферу деятельности, историческую эпоху и т. д.

Схожие модели расширения сочетаемости демонстрируют контексты атрибутивного употребления слова *ментальность*. Так, *ментальность* может быть *правовой, культурологической, космополитической, казарменной, астральной, магической* и т.д., ср. некоторые примеры употребления:

- (7) *Космополитическая ментальность* (хорошо только там, где меня нет).
- (8) В сущности, все это результат ущемленного и гибнущего на глазах имперского сознания, последняя судорога имперского высокомерия, *иерархической ментальности*.

- (9) Звездочеты полагают, что следует опасаться *астральной ментальности* черной водяной Козы.
- (10) *Магическая ментальность* в XIII веке начала сменяться иной.
- (11) «Советчикам» – он быстро научился у эмигрантов этому слову – тоже наплевать на его разглагольствования о «несовместимости карнавального театра с казарменной ментальностью».
- (12) И в то же время мы стыдимся своей *бандитской ментальности*.

Данные примеры демонстрируют значительное расширение типов менталитета / ментальности, которые выступают в качестве характеристики самых различных сфер, свойственных современным представлениям об этой сущности – репрессивный, рыночный, дефляционный, информационный менталитет, казарменная, магическая, астральная ментальность и пр.

4. Коннотативно-оценочные приращения смысла для лексем *менталитет* и *ментальность*

Атрибутивная сочетаемость лексем *менталитет* и *ментальность* с качественными прилагательными реализует неузуальные приращения смысла, связанные с возможной эмоционально-экспрессивной и оценочной квалификацией указанных сущностей. Здесь наблюдается два рода явлений: 1) собственно качественные атрибуты и признаки менталитета и ментальности, раскрывающие свойства и атрибуты этих номинаций с разных сторон, включая имплицитное отношение говорящего к объектам номинации; 2) оценочные характеристики менталитета и ментальности в рамках шкалы ценностей «хорошо – плохо». Эти явления выступают как объективные свидетельства культурной освоенности концепта «менталитет».

Ад 1. *Менталитет* может быть *новым, невиданным, своеобразным, простоватым, недосформулированным, пресловутым* и т.п., например:

- (13) Лена бежит в кусточки, а у меня на подоле остается *недосформулированный менталитет*.
- (14) Тогда я еще не задумывался о *пресловутом менталитете*.

В свою очередь, *ментальность* может быть *переменчивой, адаптированной, отсталой* и даже *деревянной*:

- (15) В России не первый год существует установка, что во всем виновата *отсталая ментальность* – надо сменить старое мышление на новое, современное,

дополнить это списанным под копирку с «правильных стран» законодательством и системой собственности, и все заработает.

(16) Попытками выбраться за пределы столь *деревянной ментальности*.

Отметим, что подобные словоупотребления могут, помимо своего основного номинативного содержания, имплицитно включать оценочность – положительную (*новый менталитет, невиданный менталитет*) или отрицательную (*простоватый менталитет, недосформулированный менталитет, пресловутый менталитет, отсталая ментальность, деревянная ментальность*).

Ad 2. Контексты сочетаемости лексем *менталитет* и *ментальность* с качественными прилагательными могут порождать неузуальные коннотативно-оценочные приращения смысла с семантикой общей или частной оценки. Возможность помещения понятия «менталитет», изначально нейтрального с аксиологической точки зрения, в поле позитивной или негативной оценочности, а также указание на его возможное соответствие или несоответствие норме также является признаком его культурной апроприации. Так, в плане общей оценки *менталитет* может быть *хорошим/ плохим, правильным/ неправильным* и др., например:

- (17) У Хорватии же сильные полузащитники, на таком же уровне, что у сборной Франции. Мне кажется, у Хорватии *хороший менталитет*.
- (18) Да, у нас плохая страна, да, в правительстве все не очень хорошо, да, повсюду ... какие в России противные русские мужики и *плохой менталитет*.
- (19) Лучано Спаллетти: Нужно продемонстрировать *правильный менталитет* в матче с «Пасуш де Феррейра».
- (20) А потом, объединившись вместе, они обвиняют власть или жалуются на *неправильный менталитет* народа.

Ментальность также может быть *правильной и неправильной*:

- (21) *Правильная ментальность* женщины. Женщины делают ошибку, которая с любым может случиться.
- (22) Якобы с учеными и инженерами в России уже все в порядке, а не в порядке с умением эту технологию продуктивизировать и продавать, что происходит потому, что у русских якобы *неправильная «ментальность»*.

В контекстах частнооценочных приращений смысла (по шкалам «добрый – злой», «красивый – некрасивый», «полезный – вредный», «целесообразный – нецелесообразный» и др.) для анализируемых лексем возможны как позитивно-оценочные, так и негативно-оценочные употребления.

Положительное частнооценочное приращение смысла для лексем *менталитет* и *ментальность* реализовано в следующем предложении:

- (23) - О нашем образе жизни, специфическом, но *задушевном и добром менталитете*.

Но чаще для слов *менталитет* и *ментальность* все же актуализованы контексты негативных частнооценочных употреблений качественных прилагательных:

- (24) *Ущербный менталитет*. Вообще, схема инвестор-заказчик-подрядчик, где каждую из сторон строительного процесса представляют профессиональные участники рынка, является классической.
- (25) *Безрадостный немецкий менталитет* или неправильный круг общения?
- (26) *Испорченная ментальность*: миазм извращает, деформирует, портит рассудок, хочет все скрывать, даже собственные болезни.

То обстоятельство, что изначально внеоценочные словоупотребления терминологического характера, принадлежащие к фонду интернациональной лексики, попадают в узусе в поле потенциальной негативной или позитивной общей или частной оценочности, является ярким свидетельством приобщения инокультурного концепта «менталитет / ментальность», стоящего за этими словоупотреблениями, к миру русских ценностей и речеповеденческих установок, его вхождения в систему «речевых привычек» современного российского языкового сообщества.

5. Выводы

Исследование особенностей употребления лексем *менталитет* и *ментальность* в контекстах неузуальной атрибутивной сочетаемости продемонстрировало достаточно высокую степень их культурной освоенности в современной русской речи. В сферу охвата данного концепта вовлекаются самые разнообразные тематические области духовной, социальной, политической, экономической и культурной жизни. Нестандартные контекстуальные значения и оценочные коннотации лексем *менталитет* и *ментальность*, возникающие в узусе, существенно превышают стандартный семантический объем данных лексических единиц, фиксируемый в словарях и энциклопедических источниках. Эти слова также приобретают высокую частотность употребления, смысловую диффузность, нераспределенную многозначность, эмоционально-экспрессивные и ценностные оттенки смысла, что в целом присуще всем единицам словарного запаса.

Библиография

- АЛИФЕРЕНКО, Н. (2010), Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства. В: Восточноевропейское обозрение. I, 405-425. [Aliferenko, N. (2010), Yazykovyye stereotipy russkogo etnokul'turnogo prostranstva. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. I, 405-425.]
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1991), От редактора: Вступительная статья. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), Логический анализ языка: Культурные концепты. Москва, 3-5. [Arutyunova, N. D. (1991), Ot redaktora: Vstupitel'naya stat'ya. In: Arutyunova, N. D. (red.), Logicheskii analiz yazyka: Kul'turnyye kontsepty. Moskva, 3-5.]
- ГУРЕВИЧ, А. Я. (1981), Проблемы средневековой народной культуры. Москва. [Gurevich, A. Ya. (1981), Problemy srednevekovoy narodnoy kultury. Moskva.]
- ГУРЕВИЧ, А. Я. (1988), Изучение ментальностей – социальная история и поиски истории чешского синтеза. В: Советская этнография, 16-25. [Gurevich, A. Ya. (1988), Izuchenie mental'nostey – sotsial'naya istoriya i poiski istoricheskogo sinteza. In: Sovetskaya etnografiya. 6, 16-25.]
- ЖУКОВСКАЯ, Л. И. (2015), Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка). В: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2(2), 402-405. [Zhukovskaya, L. I. (2015), Yazykovaya eksplikatsiya kontsepta «mentalitet / mental'nost'» v russkom yazyke poslednikh let (po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2(2), 402-405.]
- ЗЫКОВА, И. (2015), Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/1, 181-197. [Zykova, I. (2015), Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya frazeologii. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/1, 181-197.]
- КОЛЕСОВ, В. В. (2006), Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург. [Kolesov, V. V. (2006), Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. Sankt-Peterburg.]
- РАДБИЛЬ, Т. Б. (2016), Основы изучения языкового менталитета. Москва. [Radbil, T. B. (2016), Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta. Moskva.]
- РАДБИЛЬ, Т. Б. (2018), Коммуникативно-прагматические рефлексy культурной апроприации заимствований в дискурсе Рунета. В: Фещенко, В. В. (ред.), Образы языка и зигзаги дискурса: Москва, 216-226. [Radbil, T. B. (2018), Kommunikativno-pragmaticheskiye refleksy kul'turnoy aropriatsii zaimstvovaniy v diskurse Runeta. In: Feshchenko, V. V. (red.), Obrazy yazyka i zigzagi diskursa. Moskva, 216-226.]
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (ред.) (1998), Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Санкт-Петербург. [Sklyarevskaya, G. N. (ed.) (1998), Tolkovyy slovar' russkogo yazyka konca XX veka. Yazykovyye izmeneniya. Sankt-Peterburg.]
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва. [Stepanov, Yu. S. (1997), Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. Moskva.]
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996), Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва. [Teliya, V. N. (1996), Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii ilingvokul'turologicheskii aspekty. Moskva.]
- MIZIN, K./PETROV, O. (2017), Metaphorical modelling of cognitive structure of the concept STINGINESS in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 219-227.
- WIERZBIKA, A. (1997), Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York/Oxford.

